

титися к вере христове и до конца отчаявше своего живота спасения, и погибоша, окаянны, свет отвергше истинныя веры, а тму возлюбившие“.¹

Совершенно очевидно, что автор не причислял себя к этим „застаревшим прелестницам“; ведь через год он сам вышел „на имя царево“, вернулся в христианскую веру, да еще получил „удел“. Можно думать, что он остался в Казани не потому, что „отчаялся своего спасения“, а потому, что выполнял какие-то ответственные поручения при сменявшихся казанских царях. Тогда становится понятно, почему он вышел из плена „на имя царево“, почему сразу получил и „удел“: видимо, это была награда за какие-то старые услуги. Станет понятным и то, что и дальше он, как увидим, оставался близок к правительственным кругам, но уже в Москве.

В свете всех этих данных проверим, во-первых, можно ли считать рассказ о пребывании в плену литературным приемом, во-вторых, согласуется ли облик автора, каким он вырисовывается из его рассказа, с предполагаемым духовным званием, т. е. есть ли реальная почва для предположения, что автором „Казанской истории“ был „поп Иоанн Глазатый“.

Анализ содержания „Казанской истории“, на фоне возможных ее литературных источников, показывает, что автор ее сообщает много таких сведений, которые он не мог извлечь из письменных источников и которые основаны им или на личных наблюдениях, или на его близком знакомстве с казанскими устными преданиями о прошлом и рассказами казанских татар — непосредственных участников описываемых событий. Об этом он свидетельствует сам, когда говорит о невозможности написать историю Казани по русским летописям; не найдя сведений „в летописцах русских“, он обратился к „искуснейшим руским людям“, расспрашивая их „о первом зачале“ Казанского царства, однако ему „глаголаше тако ин и инако, ни един же поведае истинны“; знал он рассказы казанского хана — „слышах словом от самого царя изо уст многажды и от вельмож его“. На протяжении своего повествования автор неоднократно ссылается на устные источники: „глаголют“, „глаголют мнози нецы“ и т. д.

Сам автор „Казанской истории“ был свидетелем многих исторических событий. На его глазах прошла большая часть царствования Сафа-Гирея, дважды он видел на казанском троне Шигалея, перенес казанский плен, затем осаду и взятие города русскими войсками. В некоторых рассказах „Казанской истории“ он ссылается на личные наблюдения: „есмь сам видех очима своими, пишу сия“. Поэтому некоторые из описаний событий, происходивших в самой Казани на протяжении с 30-х по 50-е годы XVI века, при достаточно критическом к ним отношении могут служить историческим источником для воссоздания этого периода жизни Казанского царства.²

¹ Q. 26-П, л. 103.

² Эта достоверность некоторых частей „Казанской истории“ принималась многими исследователями за достоверность целого, и потому их приводило в недоумение несоответствие историческим данным других частей повествования. Так, С. М. Соловьев называл „Казанскую историю“ „мутным источником“ и отказался пользоваться ею (Собрание сочинений, т. V, СПб., 1838, стр. 68). В. В. Вельяминов-Зернов склонялся к мысли о том, что „Казанская история“ — источник, которым „надобно пользоваться с большой осторожностью. Автор, как видно, писал на память, мало заботясь о том, что у него выйдет из-под пера“ (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, стр. 6). С. М. Шпилевский так высказывался о „Казанской истории“: „К сожалению, «Казанская